

И.А.Шишкина

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Барнаул, Россия*

АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ КАЗАХОВ ОЙРОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.

Раскрывается специфика архивно-следственных дел как массового источника по истории политических репрессий казахов Ойротской автономной области. Показана роль данного исторического источника в процессе реконструкции истории политических репрессий казахов Кош-Агачского аймака Ойротской автономной области в первой половине 1930-х гг.

Ключевые слова: архивно-следственные дела, политические репрессии; Ойротская автономная область.

The specifics of archive investigatory case as a source of history of political repressions of kazaks in Oirotskaya autonomous region is covered in this article. The role of this historical source in the reconstruction process of history of political repressions of kazaks in Kosh-Agach aimak Oirotskaya autonomous region in the first half of 1930s is shown in the article.

Key words: archive investigatory case, political repressions, Oirotskaya autonomous region.

В последние годы в связи с истечением срока секретности, который составляет 75 лет, идет процесс рассекречивания архивно-следственных дел в отношении лиц, репрессированных в сталинскую эпоху. Архивно-следственные дела являются специфическим историческим источником, поскольку, как известно, часто фальсифицировались, однако позволяют исследователям восполнить «белые пятна» в истории репрессивной политики Советского государства в 30-е гг. XX в. Особенно ценными они являются для реконструкции картины политических репрессий в регионах СССР.

В Отделе спецдокументации Государственного архива Алтайского края хранятся архивно-следственные дела репрессированных казахов Кош-Агачского аймака Ойротской автономной области (ныне Республика Алтай), которые впоследствии были реабилитированы. В делах, как правило, представлены протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, обвинительное заключение, протоколы заседаний Особой Тройки при ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю (далее – Особой Тройки) и др.

Историческая ценность архивно-следственных дел 1930-х гг. в отношении казахов Ойротской АО заключается в том, что они: 1) отражают данные личной биографии репрессированных (социальное происхождение, возраст, род занятий, материальное и семейное положение, образование и т.д.); 2) раскрывают проблемы, волновавшие Ойротский Областной отдел ОГПУ в первой половине 1930-х гг., связанные с Кош-Агачским аймаком как приграничной территорией Советского Союза; 3) выявляют основные

мотивы проведения репрессий в отношении приграничного населения Ойратской АО; 4) характеризуют настроения населения в отношении самой советской власти и мероприятий, проводившихся большевиками (коллективизация, контрактация скота и т.д.); 5) частично раскрывают методы работы Областного отдела ОГПУ с обвиняемыми; 6) позволяют частично реконструировать историю политических репрессий в отношении казахского населения области.

Анализ архивно-следственных дел, относящихся к первой половине 1930-х гг. (до «большого террора» 1937-1938 гг.), показывает, что толчком к репрессивной политике в отношении казахов Кош-Агачского аймака послужила коллективизация, вызвавшая острое недовольство советской властью у населения, прежде всего баев, которые, кроме этого, ранее были лишены избирательных прав и не входили в состав сельских Советов. В целом можно отметить, что основная цель политических репрессий первой волны заключалась в том, чтобы нанести сильный политический удар по самой влиятельной, экономически состоятельной прослойке казахского населения, оппозиционно (потенциально или реально) настроенной по отношению к власти большевиков. Согласно анкетным данным, представленным в архивно-следственных делах, многие из арестованных баев, камов, зажиточных скотоводов в годы Гражданской войны являлись сторонниками или непосредственно участниками белого движения на Алтае.

Однако, как видно из материалов дел, нередкими были случаи, когда антисоветская агитация, контрреволюционная деятельность, социальная принадлежность обвиняемых к чуждому советской власти классу баев и т.п. являлись лишь результатом деятельности Областного Отдела ОГПУ и Ойротской пограничной комендатуры. Так, например, пограничники писали справки, в которых подтверждались контрреволюционная деятельность обвиняемого, родственные связи с заграничными казахами и т.д., а глава сельсовета под угрозой собственного ареста их подписывал и ставил печать. Вот пример подобного рода справки: «Справка. Выдана настоящая на гр-на Джасаторского сельсовета Кош-Агачского аймака <имя> в том, что... имеет связь с бандитами, убежавшими за границу, ведет агитацию за разлагательство колхоза и за побег за границу, а также опасен <тем>, что в скором будущем убежит и увезет за собой других за границу» [3, л. 67].

Можно привести и другой пример, раскрывающий механизмы получения Областным отделом ОГПУ «фактов», изобличающих обвиняемых. Допрос обвиняемых мог осуществляться только на русском языке (однако в самих протоколах допросов указан переводчик с русского языка на казахский). Бывали случаи, когда арестованные не владели русским языком и, таким образом, не могли даже вступать в диалог с уполномоченным Областного отдела, за что по отношению к ним применялось физическое насилие. Зачастую обвиняемые просто подписывали пустые листы. Как правило, в таком случае обвиняемые, а затем и осужденные даже не догадывались о причинах своего ареста и судебного преследования Особой Тройкой.

В целом можно констатировать, что основными пунктами обвинения, предъявляемыми Областным отделом ОГПУ заключенным, были:

1. Проведение антисоветской агитации, направленной на срыв мероприятий советской власти в урочищах.

2. Подготовка к свержению советской власти путем поднятия вооруженного восстания. Как удалось установить, в первой половине 1930-х гг. в Кош-Агачском аймаке было поднято только одно вооруженное восстание, которое произошло 8 марта 1930 г. [1, с. 126]. Последнее было вызвано тем, что в ноябре 1929 г. Ойротской пограничной комендатурой был арестован крупный бай, бывший родовой (род Саргалдак), а затем и волостной старшина Акынов Сагиля и еще около десяти человек. 7 февраля 1930 г. Особая Тройка вынесла приговор Акынову Сагиле и еще троим баям – расстрелять и имущество конфисковать. Шестеро обвиняемых решением Особой Тройки были осуждены к заключению в концлагерь сроком на три года. 8 марта 1930 г. осужденных баев должны были отправлять из Кош-Агачского аймака в Бийск. Однако оставшиеся на свободе бай и крепкие середняки из рода Саргалдак решили освободить арестованных путем вооруженного восстания, которое оказалось в итоге неудачным [2, с. 231-233].

3. Подготовка кадров из «контрреволюционного элемента» для вооруженной борьбы с советской властью.

4. Поддержание связи с границей. В Монголии и Китае у кош-агачских казахов проживали как родственники, так и соотечественники, бежавшие из России или Советского Союза в годы Гражданской войны или первые годы советской власти, с которыми часть из них поддерживала отношения.

5. Распространение среди населения эмиграционных настроений и подготовка нелегальной откочевки за границу. Как видно из протоколов допросов, в воздухе Кош-Агачского аймака витала мысль о том, что границей жизнь значительно лучше, чем в СССР. Например, бай высказывали суждения следующего характера: «Надо бежать в Китай, так как советская власть нас всех разорила, а в Китае мы заживем», «От советской власти нам добра не будет» [4, л. 140, 29 об.].

Как правило, казахи бежали в Китай или Монголию, причем приоритет оставался за Китаем, поскольку Монголия находилась в зоне советского влияния. Показательным является сюжет, когда представитель Монгольской Народной Республики 28 марта 1930 г. на перевале Ташанта выдал представителю Ойротской автономной области выдворенных из МНР 96 казахов, бежавших 8 марта 1930 г. из Кош-Агачского аймака в результате неудачного восстания [2, с. 233-234].

Материалы архивно-следственных дел показывают, что маршрут эмиграции казахов, как правило, проходил следующим образом: пересечение советско-монгольской границы (часто сначала бежали в г. Кобдо), затем переход в провинцию Синьцзян, в г. Шара-Сумэ (или его окрестности), где и оставались на постоянное местожительство.

Казахи реализовывали два варианта бегства из Советской России за границу. Первый – бегство ночью с семьями и имуществом; второй – сначала уходили мужчины, а потом, тайно возвращаясь в аймак, забирали свои семьи (если они к этому времени не были выселены). Как правило, нелегальной эмиграции казахов предшествовала предварительная ра-

бота, заключающаяся в налаживании контактов путем переписки или поездок с родственниками или соотечественниками, проживавшими за границей.

6. Контрабандная деятельность.

Анализ протоколов заседаний Особой Тройки показывает, что высшая мера наказания в первой половине 1930-х гг. применялась ограниченно, в основном в отношении лиц, признанных следствием организаторами «контрреволюционной группировки» и т.п. Как правило, приговаривали к заключению в концлагерь сроком от 3 до 10 лет, выселению в Восточно-Сибирский край или на север. Имели место случаи, когда через некоторое время Особая Тройка пересматривала свое решение в сторону уменьшения срока наказания заключенным.

В каждом архивно-следственном деле имеется документ о реабилитации осужденных, которая, в большинстве случаев, осуществлялась в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 30-40-х и начале 50-х годов». Крайне незначительная часть осужденных была реабилитирована в 50-х гг. XX в. постановлением президиума Алтайского краевого суда в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 г.

В связи с тем, что исследователю доступны лишь дела лиц, которые впоследствии были реабилитированы, фактически невозможно точно определить количество судебных преследований Особой Тройкой в отношении казахов Кош-Агачского аймака Ойротской автономной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007.
2. *Шишкина И.А.* Политические репрессии в отношении байства Кош-Агачского аймака Ойротской автономной области в конце 20-х - начале 30-х гг. XX в. (по материалам архивно-следственных дел ОСД ГААК) // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 31 мая – 1 июня 2013 г. Вып. III. Барнаул, 2013.
3. Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края (далее – ОСД ГААК). Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 18329.
4. ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 19066.